

ПРАВИЛА ОБЩЕНИЯ

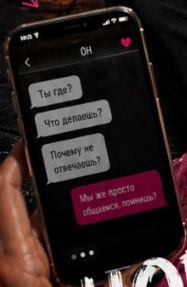
1. НЕ привязываться
2. НЕ писать первой
3. НЕ ревновать
4. ~~ДОВЕРЯТЬ~~
НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

ТАША ФОКС

ОН ГОВОРИЛ:
«Давай просто
будем общаться»

Я СОГЛАСИЛАСЬ.
Я ПОЖАЛЕЛА.

Сначала
болтаем,
потом
бесимся!

ПЛАН:

не влюбиться
(провалено)

НОРМАЛЬНО ЖЕ ОБЩАЛИСЬ

ЦИНИЗМ
МОЙ СПОСОБ
ЗАЩИТЫ

СОДЕРЖИТ ЖНО:
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕ МОЖЕТ НАЧАТЬСЯ
КАК ПЕРЕПИСКА,
А ЗАКОНЧИТЬСЯ —
ПОЛНОСТЬЮ

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
с ноткой безумия

18+

Таша Фокс
Нормально же общались
Серия «Невыносимые
Коршуновы», книга 1

*<https://litres.ru/74059303>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Они некогда-то были почти чем-то важным друг для друга. Или, по крайней мере, так им казалось.

Лера всегда объясняла их историю просто: он испугался чувств и исчез.

Макс был уверен в другом: она просто решила уйти, не сказав ничего прямо.

Три года спустя они встречаются на загородных выходных у общих друзей — и вынуждены снова разговаривать. Вежливо. Осторожно. Так, как говорят люди, которые вроде бы давно всё решили, но почему-то всё ещё помнят слишком многое.

У каждого из них — своя версия прошлого. Свои оправдания. Свои обиды. Свои «скриншоты памяти», где одно и то же событие выглядит совсем по-разному. Но чем дольше они рядом, тем яснее становится: всё, что между ними разрушилось, началось не с большого поступка, а с недосказанности.

Это история о том, как легко назвать «ничем» то, что на самом деле было почти любовью. О разговорах, которые должны были случиться три года назад. И о том, что иногда самое сложное — не вернуться друг к другу, а впервые сказать правду.

Содержание

Глава 1. Никто не умер	5
Глава 2. Привет	17
Визуализация героев	25
Глава 3. История, которую я рассказываю людям	32
Глава 4. История, которую рассказываю я	40
Глава 5. У нас ничего не было	53
Гл	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Таша Фокс

Нормально же общались

Глава 1. Никто не умер

Глава 1. Никто не умер

Суббота, семнадцать тридцать.

Лера третий раз проверяет, на месте ли кольцо.

Оно никуда не делось.

Через два часа она поймёт, что дело было вовсе не в кольце.

В машине пахло кофе и мятной жвачкой.

Зеркало чуть наклонено — так, чтобы видеть дорогу и почти не видеть себя.

Ира никогда его не поправляет.

— Ты опять впала в режим улитки? Что-то сегодня ты как-то рано ушла в себя, — говорит Ира, перестраиваясь.

— Я всегда такая, когда еду туда, где приходится притворяться, что все нормально.

— Это просто день рождения.

Лера отвернулась к окну. Ира не успела договорить.

В машине остались только дворники. Они снова растягивали грязную воду по стеклу.

Ходили туда-сюда.

Туда-сюда.

Она сама не заметила, что задержала дыхание.

На миг показалось — стекло станет чистым.

Не стало.

— Угу. — сказала Лера. — С элементами прошлого.

Ира снова посмотрела в зеркало.

— Он там будет.

— Конечно будет, — Лера пожимает плечом. — Вселенная же не может упустить шанс.

— Лер.

— Что?

— Не накручивай себя раньше времени.

— Я не накручиваю. Я уже в процессе.

Ира больше ничего не сказала.

Дворники снова прошлись по стеклу.

Серое небо на секунду стало чётче.

Потом опять расплылось.

— Макс будет, — сказала Ира.

И добавила что-то ещё.

Лера кивнула.

Только через несколько секунд поняла, что не услышала ни слова.

Пальцы под рукавом сжались в кулак.

— Ну... нормально.

— Угу.

— Мы нормально общались, — добавляет Лера. — Вернее... Не настолько плохо, чтобы делать из этого событие.

— Ты сейчас кого убеждаешь?

— Тебя. Себя. Всех, кто слушает.

— Я не слушаю.

— Вот и правильно.

Они замолчали.

Ира не стала ничего спрашивать.

Лера была благодарна ей именно за это.

Лера смотрит в окно. Ей нравится ноябрь — можно спрятаться в свитер, не объясняясь.

— Я в порядке, — говорит она.

— Когда ты так говоришь, мне хочется развернуться.

— Поздно. Мы уже почти на месте..

— Отлично. Значит, будем страдать с пользой.

Лера усмехается. Чуть-чуть. Почти незаметно.

— Слушай, — Ира щёлкает поворотником, — этот ваш младший Коршунов... Демьян. Говорят, опять куда-то влез.

— Он не «куда-то». Он в принципе живёт в «куда-то».

— Макс его там, наверное, строит.

— Скорее Демьян строит Макса.

— Включая тебя?

Лера чуть поворачивает голову.

— Попытки были.

— И?

— Неудачные.

Она сжалась. Плечи сами поднялись, будто она ждала уда-
ра.

— Вру, — сказала она почти шепотом. — Иногда у него
получалось.

Ира на секунду замолкает. Потом делает вид, что не услы-
шала.

Ира больше ничего не сказала.

Лера уткнулась лбом в холодное стекло..

Первый столб.

Второй.

Третий.

На одиннадцатом она все-таки сбилась.

Макс.

Три года.

Ни случайных встреч.

Ни пересечений.

Будто город всё это время был на её стороне.

И вот — пожалуйста.

Взрослые люди, да.

Двадцать девять.

Работа.

Своя квартира.

Дедлайны.

Продукты в холодильнике.

Человек, у которого всё под контролем.

Она едва не усмехнулась.

Внешне — спокойная. Удобная.

«Ок. Тогда всё нормально.»

Она до сих пор помнила, как поставила точку.

И долго смотрела на экран.

Можно было стереть.

Можно было написать ещё что-нибудь.

Хотя бы одно слово.

Не написала.

Рука помнила.

Полгода назад она запретила себе открывать этот чат.

Иногда получалось.

— Скоро приедем, — говорит Ира. — Если что, можем уехать. В любой момент.

— Не... не нужно будет.

— Ты так уверена?

— А чего мне бояться? — Лера улыбнулась. Только губами. — Никто не умер.

— Пока что.

Лера медленно повернула голову.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Они сворачивают к дому. Свет в окнах, машины, силуэты.

Лера замечает тёмный седан. На мгновение всё внутри сжимается.

Не тот.

Она выдыхает слишком заметно.

— Всё хорошо? — спрашивает Ира.

— Да. Просто... дышу.

— Полезный навык.

Машина останавливается.

— Перестань, — говорит Ира.

— Что?

И только тогда Лера заметила, что снова крутит кольцо.

— Чёрт.

Она убирает руку в карман.

— Идём.

Ира заглушила двигатель. Несколько секунд они сидели в машине. Никто ничего не говорил,

Дом жил своей жизнью.

За окном двигались тени. Кто-то смеялся.

Хлопнула дверь.

— Лер?

— М-м-м?

— Если передумала, скажи сейчас.

Лера взялась за ручку. Не открыла. Поддержала ладонь.

Потом всё-таки оттянула ее на себя.

Дверь машины щёлкнула неожиданно громко.

Почему-то ей сейчас показалось, что обратно она уже не захлопнется так же легко.

Воздух сырой, пахнет листьями и дымом. Кто-то топит камин.

Дверь дома открылась.

Кто-то вышел.

Высокий мужчина в тёмной куртке.

Всё внутри мгновенно сжалось.

Не он.

— Лерка! — Андрей идёт навстречу, обнимает. — Ты доехала!

— Сама удивилась.

— Я рад, что ты приехала.

— Я тоже, — Она запнулась. — Наверное.

— Это уже победа, — смеётся он. — Проходи.

Внутри тепло, шумно, живо.

Куртки, чужие запахи, чьи-то голоса. Лера вешает свою, замирает у длинного плаща.

Длинный тёмный плащ.

Она узнала его сразу.

Потом поняла, что не уверена.

Она почти касается ткани.

Потом одёргивает руку.

Не сейчас.

Она проходит в гостиную. Здоровается, кивает, улыбается. Кто-то спорит, кто-то смеётся, кто-то уже почти плачет. Жизнь. Обычная, неровная.

— Лер! — кто-то машет ей из гостиной.

Она улыбается автоматически.

— Привет.

Кто-то сразу начинает рассказывать про работу, про новый проект, про очередной переезд. Она кивает в нужных местах.

Потом понимает, что уже минуту отвечает одному человеку, хотя вопрос задал совсем другой.

— Ты вообще здесь? — смеётся девушка с бокалом.

— Пытаюсь.

— Получается так себе.

— Это мой лучший результат за сегодня.

Кто-то из знакомых подходит..

— Лер? Тебе белое или красное?

— Да.

Все смеются.

Кажется.

Она тоже.

В руки суют бокал.

Лера берёт его не глядя. Делает глоток.
Белое вино. Теплое, не очень вкусное.
Или ей так кажется.

Из кухни доносится мужской смех.
Она вздрагивает раньше, чем успевает это скрыть.
Нет.
Не он.
Или...

Она не оборачивается.
Делает ещё один глоток.
Кто-то включает музыку громче.
Андрей спорит с кем-то о мангале, хотя на улице ноябрь.
За окном качаются голые ветки.
Дом живёт своей жизнью.
Лера стоит посреди неё так, будто опоздала на свою.
— Ты чего здесь одна? — спрашивает кто-то.
Она пожимает плечами.
— Осматриваюсь.
Хотела сказать: собираюсь с силами.
Не сказала.
Она знает, что кухня справа.
Поэтому уже несколько минут стоит так, чтобы не видеть
дверь.
Это почти смешно.
Почти.

Пальцы снова находят кольцо.

Она делает вдох.

Медленно выдыхает.

Хватит.

Пора перестать вести себя так, будто за этой дверью сидит её личный апокалипсис.

Она поворачивает голову.

Дверь открыта.

На кухне двое.

Незнакомый мужчина что-то говорит девушке в красном свитере.

Лера чувствует, как из груди выходит воздух.

Не он.

Слишком рано.

— Нет, — шепчет она. — Не сейчас.

— Лер, привет.

Голос.

Она оборачивается.

Макс стоял в дверном проёме.

Будто за эти три года успел научиться держать спину ещё прямее.

Руки в карманах. Спокойное лицо. Ничего лишнего.

Он чуть старше. Или просто внимательнее к себе.

— Привет, — говорит она.

Слишком быстро. Будто готовила это слово всю дорогу.

— Давно не виделись.

— Три года, — отвечает он.

— Ты считаешь?

— Иногда.

Никто из них не заговорил сразу.

— Как ты? — спрашивает он.

— Работает, — отвечает она.

— Что?

— Всё.

Он чуть приподнимает бровь.

— Это ответ или режим?

— Это экономия времени.

— Понятно.

— А ты?

— Нормально.

— Как всегда.

— Как удобно.

Время почему-то не торопилось.

— Ну... — Лера поднимает бокал. — За встречу.

— Ты всегда так?

— Как?

— Упаковываешь всё в тост.

Она чуть улыбается.

— Это лучше, чем разговор.

Макс не ответил сразу.

Он взял бокал со стола поспешнее, чем собирался.

— За встречу.

— За то, что мы до неё дожили, — добавляет она.

Он посмотрел на неё.

Дольше, чем требовала шутка.

— Драматизируешь.

— Немного.

Они чокаются.

Кто-то смеялся. Кто-то перебил чей-то тост. Кто-то звал

Андрея.

Никто, кажется, не заметил, что они молчат.

Лера делает глоток, слишком большой.

— Ты...

— Я...

Они оба замолчали.

— Потом, — сказал он.

— Конечно.

Они не двинулись с места.

Два шага между ними.

И три года.

Никто не умер.

Но Лера вдруг поняла, что приехала сюда не зря.

Глава 2. Привет

После того тоста Лера ещё около часа делала вид, что ей нормально.

Кто-то рассказывал про новую работу, кто-то жаловался на налоги, пара спорила о том, стоит ли смотреть «Слово падана». Всё как обычно. Жизнь, как обычно, вела себя так, будто ничего особенного не происходит.

Лера кивала, улыбалась, один раз даже пошутила про свой возраст. Все засмеялись. Она тоже.

Только глаза всё время искали его.

Макс был в гостинной. Стоял у окна, держал бокал, слушал какого-то мужика в свитере и периодически кивал с таким видом, будто в этом мире всё ещё можно было чинить логикой.

Он ни разу не посмотрел на неё.

И это бесило.

Не сильно. Не так, чтобы устроить сцену.

Но достаточно, чтобы внутри всё медленно и противно сворачивалось в узел.

Лера поймала себя на том, что ждёт.

Глупо, конечно.

Чего она ждала? Взгляда? Шага? Случайного касания?

Он уже три года не подавал знаков. И сейчас не подаст. Макс вообще никогда не делал первый шаг в личном. Только

в том, что можно было починить, перенести, организовать, решить.

С чувствами у него, как обычно, был полный бардак и вечная производственная авария.

Он не скажет.

А она не попросит.

Как же иначе.

Лера допила вино — кажется, третье — и поняла, что в гостиной стало слишком душно. Не физически даже. Просто вокруг было слишком много голосов, движений, чужих лиц, и всё это бесило уже не само по себе, а тем, что его молчание торчало в этой комнате как гвоздь.

Ей нужно было пять минут.

Просто пять минут без его затылка, без его рук, без этого чёртового спокойствия, которое почему-то всегда выглядело так, будто он не чувствует вообще ничего.

Она вышла на кухню.

И там, у холодильника, уже стоял он.

Лера замерла на пороге.

Пальцы сами нашли дверной косяк. Сжали на секунду. Не потому что боялась упасть — просто чтобы не сделать шаг назад. Чтобы не выдать, как сильно внутри у неё всё рвануло от одного его вида.

Макс не двигался. Только чуть повернул голову. Их взгляды встретились — коротко, почти случайно, как удар тока, который лучше бы не случался.

Лера первой отвела глаза.

Кухня пахла укропом, лимоном и чем-то подгоревшим.

И вдруг стала слишком маленькой.

Она открыла холодильник — просто чтобы занять руки. На полке стояли бутылки, контейнеры, какие-то жалкие остатки еды и чьё-то печенье в фольге. Всё не на своих местах. Как и у неё в голове.

Лера взяла бутылку воды. Посмотрела на неё. Поставила обратно.

Снова взяла.

Снова поставила.

— Ты решила? — спросил Макс сзади.

Лера закрыла холодильник чуть резче, чем собиралась, и медленно повернулась.

Он стоял у входа на кухню с пустой тарелкой в руках. Как будто пришёл не к ней, а просто вынести мусор из этой сцены. Спокойный. Собранный. Слишком ровный.

И почему-то именно это бесило ещё сильнее.

— Воду, — сказала она и подняла бутылку. — Там внутри бардак. Не советую.

— Я заметил.

Он поставил тарелку на стол. Движения — точные, экономные, без лишнего шума.

Лера невольно посмотрела на его руки. На запястье. На часы — новые, не те, что были раньше.

И почему она вообще помнит старые?

Макс поднял взгляд.

— Давно не виделись.

— Да, — Лера кивнула. — Три года.

— Почти.

— Почти — это у тебя теперь такой способ считать?

Он чуть пожал плечами.

— Просто уточняю.

Лера усмехнулась, но вышло криво.

— Угу. Конечно. Ты же у нас любишь точность.

На секунду уголок его рта едва заметно дрогнул. Почти улыбка. Почти прежний Макс.

Лере от этого стало только хуже.

Она села на табурет. Не потому что устала — потому что стоять напротив него было уже слишком откровенно. Слишком похоже на то, что она сама не хочет себе признавать.

Кольцо на пальце привычно провернулось вокруг фаланги. Один раз. Второй.

Лера убрала руку под стол.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально, — ответила она автоматически. И тут же сама себя за это возненавидела. — Работа, дедлайны, вся эта прекрасная человеческая хрень. А ты?

— Нормально.

— Ты как будто коллекционируешь это слово.

— Ты тоже.

Она подняла на него глаза.

— Потому что оно универсальное. Подходит ко всему. Особенно когда не хочется ничего объяснять.

Макс молчал.

Лера уже пожалела, что сказала это вслух. Слишком близко. Слишком точно.

В груди неприятно кольнуло: вот сейчас он может отступить, уйти в свою вечную вежливость, и она снова останется одна со всем этим дерьмом.

Но он не ушёл.

— Ты изменилась, — сказал Макс.

Лера фыркнула.

— Спасибо. Очень содержательно.

— Я не в плохом смысле.

— А в каком? — она склонила голову. — В смысле, раньше я была удобнее?

Он посмотрел на неё внимательно. Без насмешки, без привычного щита.

— В смысле, ты стала говорить прямо.

Лера замолчала.

Да.

Вот это уже было похоже на попадание.

— А ты, значит, как был тактичным тихоней, так и остался?

— Я не тихоня.

— Конечно нет. Ты просто мастер исчезать без шума.

Повисла тишина. Плотная, колючая, живая.

Из гостиной донёсся чей-то пьяный смех. Кто-то уронил вилку. Кто-то чертыхнулся. На кухне стало ещё тише.

Макс провёл рукой по затылку — жест, который Лера помнила слишком хорошо. Когда он так делал, значит, внутри у него уже шёл какой-то свой пожар, который он пытался не показать.

— Лер

— Не надо, — быстро сказала она. Слишком быстро. — Только не начинай разговор, если не собираешься его доводить до конца.

Он замер.

— Я и не собирался.

Вот это уже было больно.

Она сжала пальцы на кружке, которую даже не заметила, как взяла. Горячая. Слишком горячая.

— Отлично, — сказала Лера. — Тогда давай просто посидим, как нормальные люди. Выпьем чай. Можем даже сделать вид, что нас это вообще не касается.

— Мы с тобой и так всё время делаем вид.

Она вскинула на него взгляд.

— А вот это уже неприятно.

— Зато честно.

— Ты смотри, — Лера усмехнулась, но в усмешке не было ни капли веселья. — Коршунов, оказывается, умеет в честность.

— Не лучшая моя сторона, — сказал Макс.

— Знаю.

Они замолчали.

И вот в этой тишине Лера вдруг почувствовала не злость даже — нет, хуже. Узнавание.

Он всё ещё был здесь. Всё так же умел бесить одним присутствием. Всё так же смотрел так, будто ничего не происходит, хотя происходило вообще всё.

И, чёрт возьми, она до сих пор реагировала на него как дура.

— У тебя всё правда нормально? — спросил он тише.

Лера посмотрела в кружку.

— Ты опять задаёшь вопрос, на который не хочешь слышать ответ.

— Может, хочу.

— Не уверена.

Он сделал шаг ближе. Не много. Один. Но Лера почувствовала это телом.

— Лера

И вот это имя, сказанное его голосом, оказалось почти невыносимым.

— Что? — она подняла глаза.

Он будто хотел сказать что-то важное. Наконец-то. Но в последний момент снова струсил, как всегда, и выбрал безопасное:

— Ничего.

Лера усмехнулась — коротко, зло.

— Ну конечно. Как всегда. Ничего.

Макс сжал челюсть. Было видно, что ему тоже не нравится происходящее. Но он всё ещё стоял. Не уходил.

И это было самым опасным.

Потому что если бы он ушёл, всё было бы проще.

А так — нет.

Потом он взял чайник, налил воду, поставил рядом две кружки. Автоматически, почти машинально. Как будто действия могли заменить то, что не было сказано.

— Садись, — сказал он. — Поговорим нормально.

Лера смотрела на него пару секунд.

— А мы вообще умеем?

— Попробуем.

Она села.

Это был не разговор. Пока ещё нет.

Это было что-то вроде осторожного перемещения по минному полю, где оба делают вид, что просто пьют чай.

Но именно такие минуты и ломают людей.

Не громкие. Не красивые.

А вот такие — тихие, душные, слишком живые.

Визуализация героев

Лера Соколова

29 лет. Редактор образовательных проектов. Человек, который может превратить хаос из заметок, голосовых сообщений и дедлайнов в стройную систему. Правда, с собственной жизнью этот фокус работает не всегда.

Лера не из тех героинь, которые эффектно появляются в дверях и мгновенно притягивают взгляды. Скорее наоборот: сначала её можно не заметить. Но спустя полчаса оказывается, что все почему-то слушают именно её.

Она внимательна к деталям, помнит мелочи, которые другие давно забыли, и умеет заботиться так, будто это совершенно случайно. Может приехать через весь город с нужной вещью и сделать вид, что это пустяк.

Из привычек:

хранит переписки как исторический архив;

держит кружку двумя руками, особенно когда нервничает;

включает сериалы «для фона», а потом внезапно знает биографию всех персонажей;

начинает наводить порядок, когда внутри становится слишком шумно.

Любит:

дождливую погоду;

книги с пометками на полях;

долгие разговоры «ни о чём», которые неожиданно оказываются о самом важном;

ощущение порядка посреди жизненного бардака.

Не любит:

неопределённость;

игры в угадку вместо честного разговора;

исчезновения без объяснений.

Что важно о ней знать

Главная особенность Леры — она редко просит о помощи.

Не потому что не нуждается в людях, а потому что привыкла справляться сама. Иногда настолько хорошо, что окружающие даже не догадываются, что ей тяжело.

Она искренне верит, что если человек действительно рядом, то всё поймёт без слов. И именно эта убеждённость регулярно создаёт ей проблемы.

Макс Коршунов

31 год. Архитектор. Человек, который умеет проектировать пространства для чужого комфорта, но периодически теряется на собственной эмоциональной территории.

Если Лера думает слишком много, то Макс сначала думает, потом ещё немного думает, а уже потом отвечает. Иногда через пару часов. Иногда через пару дней. Не из вредности — просто ему действительно нужно время разобраться в том, что происходит у него в голове.

Макс производит впечатление человека, у которого всё под контролем. У него есть план, запасной план и несколько вариантов на случай, если первые два не сработают. Проблема лишь в том, что чувства редко согласовывают свои действия с чертежами.

Из привычек:

переслушивает голосовые по несколько раз;

хранит в телефоне странные заметки, смысл которых понятен только ему;

ходит быстро, будто всё время куда-то опаздывает;

начинает чинить или собирать что-нибудь, когда нервничает;

отвечает не сразу, потому что пытается подобрать правильные слова.

Любит:

порядок;

тишину;

хороший кофе;

старые здания с историей;

вещи, которые работают долго и надёжно.

Не любит:

неопределённость;

эмоциональные манипуляции;

разговоры намёками;

ситуации, где нельзя ничего исправить.

Что важно о нём знать

Макс надёжен. Настолько, что окружающие часто принимают это как должное.

Он не любит громких обещаний и красивых речей. Если сказал, что будет рядом — скорее всего, будет. Если предложил помощь — уже продумал, как её организовать.

Парадокс в том, что собственные переживания он предпочитает держать при себе. Ему гораздо проще решить проблему, чем рассказать, что она его задевает.

Глава 3. История, которую я рассказываю людям

— Ну и как он?

Ира плюхается на диван рядом, в руке — бокал с чем-то янтарным. Лера не помнит, чтобы подруга успела налить. Может, и не было. Может, она просто так держит.

— В смысле?

— В прямом. Как он? Старше? Страшнее? Такой же душный?

Лера усмехнулась так, будто слово «душный» — это диагноз, который ей ставят впервые.

— Нормальный.

— О, снова «нормальный». Класс. Давай расшифровку.

— А что расшифровывать? — Лера крутит бокал в руках. Вино оставляет красный след на стекле. — Такой же, как был. Собранный. Спокойный. Невыносимый.

— Прямо как в старые добрые?

— Прямо как никогда не было.

Ира молчит. Ждёт.

Лера знает эту паузу. Ира умеет ждать. Может сидеть так вечность, пока Лера не сорвётся и не вывалит всё. Но сегодня не хочется вываливать. Сегодня хочется придумать красивую версию. Такую, где ей не стыдно.

— Мы ну, — Лера ставит бокал на стол. — Нормально общались.

— Ты уже говорила.

— Потому что это правда.

— Лер, мы с тобой три года обсуждаем это «нормально».

— Ира откидывается на спинку. — Я уже почти поверила.

— Во что?

— Что тебе действительно всё равно.

— А мне всё равно.

— Угу. Поэтому ты каждый раз, когда слышишь его имя, начинаешь крутить это чёртово кольцо.

Лера смотрит на пальцы. Кольцо. Точно. Она даже не заметила.

— Просто привычка, — говорит она, убирая руку под подушку.

— Конечно. Привычка впадать в ступор от одного упоминания.

— Я не впадаю.

— Ты сейчас как сидишь?

— Нормально сажу.

— Ты сидишь как статуя. Спина прямая, плечи назад, лицо каменное. Ты так сидишь только когда очень хочешь сбежать или ударить кого-нибудь.

Лера медленно выдыхает.

— Ира

— Что?

— Отвали.

— Не отвалою.

Ира пододвигается ближе. Теперь они рядом, плечом к плечу, как в старые времена, когда Лера плакала у неё на кухне, а Ира просто сидела и молчала. Сегодня плакать не хочется.

— Давай, — говорит Ира. — Расскажи мне твою любимую историю. Ту самую. Про то, как он облажался, а ты молодец.

— Я не рассказываю такую историю.

— Рассказываешь. Всем. Даже себе. Ну-ка, для разминки. Только без романтических хэппи-эндов, ладно?

Лера усмехается. Это глупо. Но и правда — есть история. Версия. Та, которую она вытаскивает, когда кто-то спрашивает: «А что у вас с Максом?»

Она берёт бокал. Делает глоток. Ира права — это как ритуал.

— Ладно, — Лера откашливается. — Было ну ничего не было, в общем. Встречались иногда. Он такой правильный. Я такая тоже правильная, но по-другому. И вот в какой-то момент я поняла, что он боится.

— Чего?

— Чувств. Близости. Того, что придётся отвечать за кого-то, кроме себя.

Ира кивает. Знакомая песня.

— А ты?

— А я ну, я была готова. Я хотела попробовать. Но он —

нет. И я не стала настаивать.

— Потому что?

— Потому что нефиг. Зачем мне человек, который не может решиться?

Лера слышит себя. Со стороны это звучит так гладко. Так удобно. Она — сильная, независимая. Он — трусоватый, нерешительный. Идеальная схема, где нет места боли.

— И всё? — Ира смотрит скептически.

— А что ещё?

— Не знаю. Может, ты тоже испугалась?

— Я? — Лера усмехается. — Чего? Я вообще не из пугливых.

— Ты из пугливых. Ты просто хорошо это прячешь.

Ира тычет ногтем в колено Леры, совсем легонько, но так, что та дёргается.

— Ой, не трогай.

— А вот потому и пугливая.

Лера хочет огрызнуться. Но не может.

Потому что Ира права. Чёрт бы её побрал.

— Допустим, — Лера пожимает плечом. — Допустим, я испугалась. И что с того?

— А то, что твоя история — враньё.

— Не враньё. Просто удобная версия.

— Для кого?

— Для меня.

Ира молчит. Это молчание — не осуждающее. Скорее вы-

жидающее. Как будто она знает, что Лера сейчас сама договорится до правды.

Лера смотрит в потолок.

— Ладно, — говорит она. — Было не так.

— А как?

— Хуже. Я я почти сказала ему. Понимаешь? Почти. В тот вечер. Я собралась. Я реально собралась. Слова уже были в горле.

— И?

— И он принялся меня успокаивать. С тонами, как будто я вдруг вернулась в детство и боюсь темноты, а не стою напротив взрослого человека, который пытается сказать важное слово. Говорил, что всё хорошо, что не надо паниковать, что всё будет.

— А надо было?

— Что?

— Не успокаивать?

Лера криво усмехается.

— Надо было просто стоять и слушать. Надо было не перебивать. Надо было побыть рядом, а не решать проблему.

— А он?

— А он всегда решает проблемы. Это его работа. Он архитектор, твою мать. Он привык, что если что-то не так — можно починить. А меня меня не надо было чинить. Меня надо было просто обнять и сказать: «Я понял. Я тоже».

Ира кладёт руку ей на плечо.

— И он не сказал.

— Не сказал.

— И ты замолчала.

— Замолчала.

— А потом?

— А потом потом я написала то дурацкое сообщение.
«Ок. Тогда всё нормально.» И он не ответил. И я решила,
что всё. Что он не хочет. Что я ему не нужна.

— А он?

— А он, — Лера проводит рукой по лицу, — он, наверное,
решил, что я передумала. Что я закрылась. Что не надо лезть.

— Дураки, — говорит Ира.

— Дураки, — соглашается Лера.

Они сидят тихо.

Где-то в соседней комнате кто-то поёт. Пьяный, фальшивый,
счастливый. Лера чувствует, что у неё начинает болеть
голова.

— И что теперь? — спрашивает Ира.

— Ничего.

— Как ничего?

— А что я могу? Подойти и сказать: «Извини, я всё это
время врала себе и тебе, на самом деле я хотела, чтобы ты
остался, а ты ушёл, и это разбило мне сердце, но я слишком
гордая, чтобы признаться»?

— Было бы честно.

— Было бы унижительно.

— Лер, — Ира поворачивается к ней, — а что лучше: унижение или три года молчания?

Лера не отвечает.

Потому что не знает.

Внутри всё перемешалось. История, которую она рассказывала людям, трещит по швам. Оказывается, она не «сильная женщина, которая не стала настаивать». Она просто струсилла. Как и он. Как и всегда.

— Знаешь, — Лера говорит тихо, — я ведь правда поверила в эту историю.

— В какую?

— В ту, где я ничего не чувствую. Где мне всё равно. Где он просто дурак, который упустил шанс.

— Поверила?

— Почти. Пока не пришёл сегодня и не сел на кухне так, будто три года — это отпуск без последствий.

— А сегодня?

— Сегодня я села с ним на кухне и поняла, что всё это дерьмо — неправда.

— А что правда?

Лера смотрит на свои руки. Кольцо блестит в тусклом свете. Она сжимает его так, будто пытается вдавить в палец.

— Правда в том, что я до сих пор жду, когда он сделает этот грёбаный шаг. И ненавижу себя за это.

Ира молчит. Тянет её за рукав.

— Пойдём, — говорит. — Надо выпить.

— Я пью.

— Надо выпить больше.

Лера усмехается.

Они встают. Лера поправляет свитер, проводит рукой по волосам. Смотрит в сторону кухни.

Там свет. Там он.

— Ира, — говорит она.

— М?

— Если я сейчас сделаю что-нибудь глупое

— Остановить?

— Нет. Просто не говори «я же тебя предупреждала».

— Не скажу.

— Обещаешь?

— Нет.

Лера улыбается. Почти по-настоящему.

История, которую она рассказывала людям, сегодня треснула. Не развалилась, нет. Ещё держится.

Но Лера знает: скоро она рассыплется.

И это, наверное, правильно.

Глава 4. История, которую рассказываю я

Макс вышел на крыльцо, потому что в доме стало нечем дышать. Не от духоты — от людей. От того, что каждые пять минут кто-то подходил, хлопал по плечу, спрашивал: «Как дела, старый?» И надо было отвечать. Улыбаться. Делать вид, что всё нормально.

А у него ничего не было нормально с той секунды, как она сказала «Привет».

Он опёрся о перила. Сыро. Ноябрьская гадость. Фонарь во дворе освещает кусок мокрой травы и скамейку, на которой никто не сидит. Ветер дует в лицо, но легче не становится. Он сунул руки в карманы куртки — пальцы ледяные, но это хотя бы отвлекает.

— Курить есть? — голос сзади.

Макс обернулся. Егор. Само собой. Кого ещё принесёт в самый неподходящий момент.

— Не курю.

— А зря. Выглядел бы сейчас очень драматично. С трубкой, как дядюшка из английского кино.

— Отвали.

— Не отвалю. — Егор встал рядом, тоже сунул руки в карманы, но как-то более расслабленно. — Ты как?

— Нормально.

— Угу. И Лера сказала «нормально». Вы там, на кухне, прям синхронизировались.

Макс сжал челюсть. Слышно, как скрипнули зубы.

— С чего ты взял, что мы были на кухне?

— А что, не были?

Егор смотрит с лёгкой усмешкой, но глаза серьёзные. Он всегда так смотрит — будто знает про всех всё, а остальные просто не доросли. Макса это бесит. Но спорить бесполезно.

— Были, — говорит он. — И что?

— Ничего. Просто вы оба выглядели так, будто участвуете в переговорах без права на ошибку. Такие лица бывают у людей, которые собираются разорвать контракт, но не могут найти подходящую фразу.

— Не твоё дело.

— Моё, — Егор достаёт из кармана зажигалку, крутит в пальцах. Колесико щёлкает, но огня нет. — Ты мой брат. А она ну, она мне нравилась. Нормальная девка. Без королевских закидонов.

— Она не «девка».

— О, язык поплыл. — Егор усмехается. — Значит, ещё не всё потеряно.

Макс молчит. Смотрит в темноту. Пар изо рта смешивается с сырым воздухом. В горле пересохло.

— Слушай, — Егор поворачивается к нему, щёлкает зажигалкой уже в третий раз, без толку, — я не лезу, но

— Но всё равно полезешь.

— Ну да. Привычка. — Егор пожимает плечами. — Что у вас произошло тогда? Она мне всегда казалась нормальной. Даже слишком. Такие девки обычно либо через год уходят к алкашам, либо сами становятся психопатками. А она вроде держалась. До сегодняшнего вечера.

Макс проводит рукой по затылку. Пальцы дрожат — от холода или от нервов, он не понял. Жест, который выдает его, когда он не знает, что сказать.

— Ничего не произошло. В том и дело.

— В смысле?

— В прямом. Мы просто перестали. Она написала коротко. Я не ответил.

Егор присвистывает.

— И всё? Три года молчания, потому что ты не ответил на сообщение?

— Она не хотела продолжать.

— А ты спросил?

Макс смотрит на него. В глазах Егора — не насмешка, а что-то похожее на усталость.

— Ты спросил у неё, чего она хочет? Или ты сам всё решил, как обычно?

— Я

— Вот именно. — Егор кивает. — Ты. Ты всегда решаешь за других. Думаешь, что так лучше. А потом выясняется, что лучше было бы просто спросить. Ты лучше решаешь чужие

проблемы, чем свои. Это уже семейное.

Макс сжимает кулаки. Три года он убеждал себя, что поступил правильно. Что уважал её выбор. Что не лез туда, где его не ждут.

А сейчас Егор — Егор, который вечно всё превращает в цирк, — говорит ему правду в лицо, и она звучит как пощёчина.

— Иди ты, — тихо говорит Макс.

— Пойду. — Егор хлопает его по плечу, и этот хлопок тяжелее, чем обычно. — Но ты подумай. Ладно? А то выглядишь как человек, который потерял что-то важное, а сам даже не понял, что это было.

Он уходит. Макс остаётся один.

Наконец-то.

Макс садится на крыльцо. Сырые доски. Холод пробирается сквозь джинсы, но он не встаёт. Смотрит на дом — свет в окнах, силуэты. Там, внутри, люди смеются, спорят, пьют. Обычная жизнь. А он сидит здесь, как дурак, и думает о ней.

О том вечере. О том, как всё сломалось.

Он прокручивает тот разговор. Снова. В сотый раз.

Она была странная. Более нервная, чем обычно. Говорила быстро, часто пила вино, смеялась не вовремя — тот самый смех, который он не мог забыть, потому что он был не её. Напускной. Он тогда подумал: устала. Работа. Жизнь. Вся эта хрень.

Они сидели на кухне. Она смотрела в кружку. Крутила

кольцо — сейчас он понял, что это был признак тревоги, а тогда не придавал значения. Он ждал. Она открыла рот. Потом закрыла. Потом сказала: «Я»

И замолчала.

Страх вылез у него не словами, а в голосе: он заговорил плоско, как будто закрывая трещину, которую боится увидеть. Он испугался не слов — он испугался того, что за этими словами придётся отвечать иначе, чем креслом и планом.

Он начал говорить. Про то, что всё будет хорошо, что не надо паниковать, что она сильная, справится.

Он думал, это поддержка. Он думал, он помогает.

А она вдруг замолчала. Совсем. Посмотрела на него — и в её глазах что-то погасло. Не резко, не хлопком — а как догорающая лампочка: ещё секунду тлеет, а потом темно.

«Я пойду», — сказала она.

И ушла.

А потом написала: «Ок. Тогда всё нормально.»

Он прочитал это сообщение раз двадцать. Сидел в своей квартире, смотрел на экран, прокручивал возможные ответы.

«Останься.» — Нет, она уже ушла.

«Давай поговорим.» — Она не хочет. Она написала коротко, сухо.

«Я» — И что дальше? Что он мог сказать?

Он ничего не сказал. Потому что прочитал её «Ок» как черту, как дверь, которую не стоит открывать. Это было

удобнее, чем спросить.

Он не спросил — и в этой тишине он нашёл себе оправдание: «Она решила. Надо уважать».

И он уважал три года.

Каждый день он убеждал себя, что поступил правильно. Что не стал тем придурком, который не слышит «нет». Что он взрослый человек, который умеет принимать чужое решение.

Только одно «но»: он никогда не спросил, правильное ли это было решение.

Для неё.

Макс встаёт, проходит по двору. Ноги сами несут к окну гостиной. Он заглядывает внутрь. Лера сидит на диване с Иррой, что-то говорит, жестикулирует. Она выглядит живой. Не такой, как на кухне. Там она была зажатой, сухой. А сейчас — как будто отпустила.

Или как будто делает вид.

Она крутит кольцо. То самое. Он помнит это кольцо — она носила его всегда. И в тот вечер тоже крутила. А он не спросил почему.

— Идиот, — шепчет он. — Какой же ты идиот, Макс.

Он возвращается в дом, но не в гостиную — в пустую комнату на первом этаже. Там стоит старый диван, стопка книг, пыльный торшер. Андрей использует эту комнату как склад для всякого хлама.

Макс садится на диван, закрывает глаза.

История, которую он рассказывал людям, была проста и удобна.

Они встречались. Нет, не встречались. Просто иногда были рядом. Ей было хорошо. Ему — тоже. Но она хотела большего. Чего-то, что он не мог ей дать. Потому что он — это он. А она — она. И когда она поняла, что он не изменится, она ушла.

Логично. Честно. Без крови.

Макс рассказывал эту историю коллегам, друзьям, даже себе. Особенно себе.

Он не врал. Правда, он просто не договаривал.

Не договаривал о том, как он ждал её сообщений. Как перечитывал каждое, вчитываясь в слова, которые можно было прочитать по-разному. Как убеждал себя, что не может сделать шаг, потому что она первая отстранилась.

Он помнил их первую встречу. Помнил, как она пошутила про его серьёзное лицо. Как он улыбнулся — впервые за долгое время. Помнил, как она смотрела на него, когда думала, что он не видит.

И как он делал вид, что не замечает.

Потому что если бы он заметил, пришлось бы что-то делать. А он не умел делать «что-то» в таких вещах. Он умел проектировать здания, умел решать споры, умел чинить краны и собирать мебель. А с чувствами — полный провал.

Он думал, что если не давить, не требовать, не навязываться — это и есть уважение. Он думал, что любовь — это

когда не мешаешь человеку дышать.

А потом она перестала писать.

И он решил: ну вот. Значит, так надо.

В дверь заглядывает Андрей.

— Ты чего тут? — спрашивает именинник. — Все в гостиной.

— Отдыхаю от людей.

— Понятно. — Андрей садится рядом. — Слушай, Макс.

Я не лезу, но

— Все лезут сегодня.

— Потому что ты выглядишь так, будто у тебя внутри всё сломалось. А я тебя давно знаю. Ты такой, когда речь о Лере.

Макс молчит. Андрей молчит тоже. Только слышно, как в соседней комнате гудит холодильник.

— Я видел её лицо, когда она приехала, — тихо говорит Андрей. — Её глаза, когда она увидела тебя, не были пустыми — они были испуганы, как будто она ожидала шаг, который так и не сделали.

— Откуда ты — начинает Макс.

— Я не слепой. — Андрей пожимает плечами. — И вы оба не умеете врать так хорошо, как вам кажется.

Макс смотрит в пол.

— И что ты предлагаешь?

— А что тут предлагать? — Андрей встаёт. — Иди на кухню. Сядь. Скажи что-нибудь. Хуже уже не будет, правда. Три года молчали — больше некуда.

Он уходит. Макс остаётся один.

Он сидит на диване, смотрит в потолок. В голове — каша. Три года он прятался за «уважай выбор». Три года он делал вид, что ему всё равно.

А сейчас, сидя в этой пыльной комнате, он наконец признаёт правду: он не уважал её. Он просто боялся.

Боялся, что она скажет правду. Боялся, что он не сможет ответить. Боялся быть недостаточным. И спрятался за этим чёртовым «уважай выбор».

А она, может, ждала. Всё это время.

Он вспоминает её лицо на кухне сегодня. Напряжённое. Защитное. Глаза, которые смотрят и не смотрят. И эту фразу: «Ты опять задаёшь вопрос, на который не хочешь слышать ответ».

Она ждала. Три года. А он даже не спросил, чего она хочет на самом деле.

Макс встаёт. Подходит к окну. Смотрит в темноту. Ветер колышет голые ветки за стеклом.

Всё, что он рассказывал людям, — удобная ложь. В которой он герой, уважающий чужой выбор. Но правда была проще и страшнее: он просто не остался. Не потому что она не хотела. А потому что он струсил.

Он не спросил: «Ты точно этого хочешь?»

Он даже не написал тот единственный вариант, который прокручивал в голове: «Не уходи. Давай просто поговорим.»

Он не написал. И в этом его тихом «ничего» он нашёл себе

оправдание на три года.

Макс выдыхает. Смотрит на свои руки. Часы на запястье показывают начало двенадцатого. В доме всё ещё шумно. Она всё ещё там.

— Дурак, — говорит он себе. — Ты просто дурак.

Он выходит из комнаты. Идёт по коридору. Мимо гостиной, где смеются люди. Мимо лестницы, где висят чужие куртки. К кухне.

Шаги тяжёлые. Сердце колотится где-то в горле.

Кухня пуста. Только чайник на плите и две кружки на столе — их, с прошлого раза. Макс смотрит на них, и внутри что-то сжимается. Одна кружка чуть сдвинута — её, наверное, мыли, но не убрали.

Он садится на табурет, кладёт руки на стол. Пальцы не слушаются. Он сжимает их в замок, потом разжимает. Проводит большим пальцем по шву на столешнице.

Сзади — скрип половицы.

Она не вошла. Просто встала в дверях.

— Ты здесь, — говорит Лера.

— Здесь.

Она не двигается. Молчит. Потом делает шаг. Ещё один. Садится напротив.

Под светом лампы видно, как побледнели её губы. Она не смотрит на него — смотрит на кружку.

— Чаю? — спрашивает Макс. Голос сел, он откашливается.

— Давай.

Он встаёт, идёт к чайнику. Наливает воду, включает плиту. Ждёт. Пауза затягивается. Слышно, как за стенами кто-то смеётся — далёкий, приглушённый звук.

— Я много думал, — говорит он, не оборачиваясь.

— О чём?

— О том вечере.

— Каком?

— Ты знаешь каком.

Она молчит. Вода закипает, чайник щёлкает, выключается. Макс заливает кипяток в кружки. Ставит одну перед ней.

Лера берёт кружку двумя руками, но не пьёт. Смотрит на пар.

— Я тогда струсил, — говорит он. — Понял?

Она поднимает взгляд.

— Поняла.

— И давно?

— Догадывалась. Но ждала, когда ты сам скажешь.

Макс садится напротив. Кружка в его руках дрожит — он не может это контролировать. Он ставит её на стол, чтобы не видно было.

— Три года, — говорит он. — Я убеждал себя, что поступил правильно.

— А сейчас?

— Сейчас — нет.

Лера сжимает кружку. Её пальцы белеют на керамике.

— Почему? — спрашивает она. — Почему сейчас, а не тогда?

— Потому что тогда я боялся. А сейчас — он запинается, — сейчас, кажется, боюсь ещё сильнее. Но понимаю, что больше не могу молчать.

Она опускает взгляд. Губы сжаты. Чайник, остывая, издаёт лёгкий треск.

— Ты хоть понимаешь, как это было? — голос Леры тихий, почти шёпот.

— Понимаю.

— Нет. Не понимаешь. Ты не представляешь, как я сидела и ждала, что ты напишешь. Как перечитывала твоё молчание.

— Я не

— Ты не написал. Ты даже не спросил, зачем я написала «нормально». Ты просто решил, что всё.

Макс сжимает кулаки под столом. Ногти впиваются в ладони.

— Я был дураком.

— Да. — Лера на секунду закрывает глаза. — Был. И я была дурой. Но это не значит, что всё можно просто взять и начать сначала.

— А что значит?

Она молчит. Пьёт чай. Горячий, слишком горячий — она морщится, но не ставит.

— Не знаю, — говорит она наконец. — Но мы здесь. Пьём

чай. И это уже что-то.

Макс кивает.

Они сидят в тишине. Неловкой, живой. Где-то за дверью шаги — кто-то прошёл мимо, не заходя.

— Лера, — он говорит тихо, — я хочу попробовать. Не сделать вид, что ничего не было. А попробовать по-другому.

— Как?

— Не знаю. Говорить. Не угадывать. Не прятаться за «ок».

Она долго молчит. Смотрит на свои пальцы, обхватившие кружку. Они чуть заметно дрожат.

— Ладно, — говорит она. — Попробуем.

Где-то внизу, в гостиной, снова раздаётся смех — громкий, свободный. Дверь на кухню остаётся открытой. Сквозняк колышет занавеску.

Макс не двигается. Смотрит на неё.

Она не сказала «да». Не сказала «нет». Её молчание — как рука, сжимающая бокал. Хрупкое, но удерживающее.

Они оба ещё не знают, что будет дальше.

Но чайник остыл. А они всё сидят.

Глава 5. У нас ничего не было

После чая на кухне Лера не знала, куда себя деть. Она вышла в гостиную, села на край дивана, взяла бокал с чем-то красным — уже не помнила, чьим. Внутри всё гудело. Не от вина. От того, что сказал Макс. И от того, что она ответила.

«Попробуем».

Что за хрень? Она сама не поняла, зачем сказала это. Просто вылетело. Как будто кто-то другой за неё решил.

Ира крутилась рядом, но не лезла. Молодец. Хотя по её лицу Лера видела: подруга горит от любопытства. Но молчала. Только иногда толкала плечом — то ли поддерживала, то ли проверяла, живая ли.

— Лер, — наконец сказала Ира, — у тебя лицо как у человека, который только что подписал договор с дьяволом.

— Примерно так.

— И как он?

— Нормально.

— О, класс, — усмехнулась Ира. — Словарный запас не меняется даже после переговоров на кухне.

Лера не ответила. Потому что не знала, что сказать. В голове была каша из «что он имел в виду», «зачем я согласилась» и «интересно, он сейчас тоже это переваривает».

Макс сидел в кресле у окна, смотрел в сторону, держал бокал с соком — не пил. Выглядел задумчивым. Или просто

уоставшим. Лера не могла разобрать.

— Ладно, народ! — Андрей хлопнул в ладоши. — Хватит сидеть как на похоронах. У меня день рождения, мать его, а не панихида.

Кто-то засмеялся. Кто-то крикнул «ура». Андрей достал из шкафа коробку с карточками.

— Будем играть. Вопросы. Кто не хочет — может идти на кухню и плакать там в одиночестве, но я не советую. Там заканчивается печенье.

— А есть условия? — спросил Димон.

— Условия простые: тянешь карту, читаешь вопрос, отвечаешь честно или не отвечаешь, но тогда пьёшь штрафной. Без вариантов.

— А если не хочу отвечать и не хочу пить?

— Тогда ты нытик и идёшь на кухню. Но без печенья.

Лера усмехнулась. Андрей умел создать атмосферу — дурацкую, но такую, где невозможно отказаться, не будучи занудой. Она не хотела быть занудой. Не сегодня.

— Давай, — сказала она. — Но если будут вопросы про секс, я ухожу.

— Не будут, — пообещал Андрей. — Ну, почти.

Ира фыркнула.

Все расселись. Кто-то на диване, кто-то на стульях, кто-то на полу, поджав ноги. Лера оказалась напротив Макса. Не специально. Но, чёрт, почему всё всегда так?

— Кто первый? — спросил Андрей.

— Я, — вызвался Димон. Потянул карту, прочитал: — Какое самое глупое решение ты принимал в этом году?

— Вступить в эту игру, — сказал кто-то.

Засмеялись. Димон пожал плечами, ответил что-то про покупку машины, которая сломалась через неделю. Обычно. Безболезненно.

Потом потянули другие. Вопросы были дурацкими — про любимые фильмы, про путешествия, про то, с кем бы ты хотел поужинать из исторических личностей. Лера почти расслабилась.

Почти.

Потом карта попала к ней.

— Читай, — сказал Андрей.

Лера взяла картонку. Прочитала про себя. Помолчала.

— Ну? — не унимался он.

— «Была ли у тебя любовь, о которой никто не знает?» — прочитала Лера ровным голосом.

Ира замерла. Макс, кажется, перестал дышать. Лера не смотрела на него. Смотрела на карту, как будто та могла исчезнуть.

— Ого, — сказала Настя, девушка из компании, которую Лера не очень знала. — Становится интересно.

— Не обязательно отвечать, — напомнил Андрей. — Можно выпить.

Лера взяла бокал. Сделала большой глоток. Вино оказалось кислым, почти невыносимым. Она не поморщилась.

Ира толкнула её локтем.

— Ты чего?

— Пью, — сказала Лера. — По правилам.

— Можно было ответить.

— А чего отвечать? Нет у меня такой любви. Всё как на ладони.

Она соврала. И все, кто знал её, поняли это. Ира отвела взгляд. Димон кашлянул. Кто-то пошутил про «девушки такие загадочные», но шутка повисла в воздухе и не долетела.

Макс не смотрел на неё. Но Лера видела, как он сжал подлокотник кресла. Пальцы побелели.

— Ладно, — сказал Андрей быстро. — Следующий. Макс, твоя очередь.

Макс не двинулся.

— Макс?

— Да. — Он потянулся к коробке, вытащил карту. Прочитал. Помолчал. — Есть вопрос. Другой.

— Какой? — спросил Димон.

— «Что ты скрываешь от окружающих?»

Тишина стала плотной. Не такой, как раньше — неловкой, а какой-то больной. Лера почувствовала, как у неё засосало под ложечкой.

Макс смотрел на карту. Потом на неё. Один короткий взгляд — и снова в сторону.

— Пью, — сказал он.

Взял свой стакан. Выпил залпом. Даже не поморщился.

— Тоже мне секреты, — пробормотал Димон, но как-то неуверенно.

— Дальше, — сказал Андрей. — Играем, народ.

Игра продолжилась. Но напряжение не ушло. Лера чувствовала его на коже. Каждый следующий вопрос — про сожаления, про ошибки, про то, что бы ты изменил, — бил рикошетом.

Она не смотрела на Макса. Но знала, что он смотрит на неё. Периферией. Украдкой. Как тогда, три года назад, когда ещё можно было всё исправить.

— Лер, — Ира наклонилась к уху, — ты как?

— Нормально.

— Опять это слово.

— А что ещё?

— Можно сказать «хреново». Или «хочу домой». Или «пошёл он на хер, этот Макс со своими картами».

Лера почти улыбнулась.

— Не могу. Я же сильная и независимая.

— Ага. Поэтому у тебя руки трясутся.

Лера посмотрела на свои пальцы. Кольцо крутилось без её участия. Точно. Трясутся.

Она спрятала руки под плед.

— Не трогай, — сказала Ира. — Я тебя прикрою.

— Чем?

— Придумаю что-нибудь. Например, скажу, что ты беременна и тебе нельзя волноваться.

— Ты идиотка.

— Знаю.

Они обе засмеялись. Тихо, чтобы никто не слышал. Но Макс, кажется, услышал. Он повернул голову и посмотрел на Леру так, что смех сразу кончился.

После игры все разбрелись. Кто-то на кухню, кто-то курить, кто-то просто стоять у окна и делать вид, что смотрит в темноту.

Лера осталась на диване. Ира ушла за добавкой.

Макс подошёл. Не сел рядом — встал напротив, заложив руки в карманы.

— У тебя всё хорошо? — спросил он.

— Ты серьёзно? — Лера подняла на него глаза. — Сейчас?

После того, что было на кухне?

— А что было на кухне?

— Ты издеваешься?

Он молчал. Потом сел на край дивана, но достаточно далеко, не касаясь.

— Я не издеваюсь. Просто хочу убедиться.

— В чём?

— Что ты не пожалела.

Лера смотрела на него. На его лицо — уставшее, но какое-то открытое. Не такое, как обычно. Обычно он прятался за спокойствием, а сейчас, кажется, даже не пытался.

— Пока не пожалела, — сказала она. — Но вечер не кон-

чился.

— Это точно.

Они помолчали.

— Ты тогда не ответила на тот вопрос, — сказал Макс.

— На какой?

— Про любовь, о которой никто не знает.

— А ты хотел, чтобы я ответила?

— Не знаю.

Лера усмехнулась.

— Если бы ответила, пришлось бы тебя назвать. А ты сидишь тут. Было бы неудобно.

Макс замер.

— Меня?

— Не ссы, — сказала Лера. — Шучу. Или нет.

Она не знала, зачем сказала это. Просто вырвалось. Может, от вина. Может, от усталости. Может, от того, что он сидел так близко, а она уже не могла притворяться.

— Лера

— Не надо. — Она подняла руку. — Давай без драмы. Мы уже поговорили. Всё сказали. Дальше — как получится.

— А если я хочу не «как получится»?

— А что ты хочешь?

Он посмотрел на неё. Долго. Так, что у неё зачесались ладони.

— Не знаю, — сказал он. — Но не этого.

— Чего — не этого?

— Этого. — Он обвёл рукой комнату. — Игры, вопросы, ответы, которые никто не говорит. Мы оба взрослые люди, а ведём себя как дети.

— Потому что дети честнее, — сказала Лера. — Они не умеют врать. А мы умеем.

Макс кивнул.

— И что делать?

— Жить дальше. — Лера пожала плечами. — Другого варианта нет.

Она встала, поправила свитер, хотела уйти. Но он вдруг взял её за руку. Не сильно, чуть выше запястья, там, где бился пульс.

— Не уходи, — сказал он.

Лера замерла.

— Сейчас?

— Сейчас.

Она села обратно.

— Ты дурак, — сказала она.

— Знаю.

— Я тоже дура.

— Знаю.

— И что теперь?

— Ничего, — он отпустил её руку. — Просто посидим.

Они сидели. В тишине. Не той, которая давит, а той, которая дышит.

Где-то в коридоре Ира крикнула: «Лера, ты где?»»

— Здесь, — ответила Лера. — Уже иду.

Она встала. Посмотрела на Макса. Он не поднялся.

— Мы ещё поговорим, — сказал он.

— Знаю.

Она ушла.

В коридоре Ира смотрела на неё с подозрением.

— Ты какая-то

— Нормальная, — перебила Лера. — Всё нормально.

— Угу.

— Правда. Мы просто поговорили.

— И?

— И ничего. — Лера улыбнулась, но не криво. — Впервые за три года — просто поговорили. Без истерик, без «ок». И, блядь, уже легче.

Ира обняла её. Лера не сопротивлялась.

Внутри у неё было пусто. Но не больно. Как после того, как наконец вытащишь занозу. Пустота, которая обещает, что туда можно будет что-то положить.

Новое. Живое.

Не идеальное.

Она не знала, что будет завтра. Не знала, будут ли они вместе. Не знала, сможет ли он не уйти в следующий раз.

Но сегодня, на кухне у Андрея, они перестали врать.

Хотя бы друг другу.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.